Нечто из Блэк Вудс

Автор:
Кристиан Винд

Нечто из Блэк Вудс

Кристиан Роберт Винд

Мрачная вселенная Фрэнка Миллера #2

Вторая книга серии переносит читателей в 1978 год – в то время, когда специальный детектив Фрэнк Миллер получает странное задание: жителей небольшого городка терроризирует необъяснимая бессонница, сводящая людей с ума. Покинув Вашингтон вместе с новым напарником Алексом Ридом, Миллер оказывается в Блэк Вудс – крошечном поселении, затерянном в непроходимых лесах. И каждый, кто отваживается сунуться в черную чащу, перестает спать по ночам. Что-то зловещее скрывается за этими столетними деревьями, что-то страшное угрожает теперь не только жителям Блэк Вудс, но и самому детективу…

Глава 1. Алекс Рид

Впервые я встретил Фрэнка Миллера в ноябре семьдесят восьмого, а именно – в полицейской столовой, расположенной на нулевом этаже. Я только вернулся из долгожданного отпуска, а потому понятия не имел о кадровых перестановках, произошедших здесь во время моего трехнедельного отсутствия.

Почему-то в тот момент новое лицо, выглядящее непривычно изнуренным и даже откровенно нездоровым, показалось мне весьма дурным предзнаменованием.

Тогда я еще понятия не имел, кто он такой, но обратил внимание на человека, вяло прихлебывающего кофе в самом углу помещения. Казалось, что он намеренно отодвинулся как можно дальше ото всех, кто сновал между столами, забившись от их любопытных глаз в укромное местечко.

Фрэнк совсем не был похож на детектива. Он выглядел так, как будто его случайно занесло на обед в центральный вашингтонский полицейский участок.

Пока служители закона, воспользовавшись перерывом, охотно уплетали картофельное пюре со свиной отбивной и шумно переговаривались между собой, Миллер с каким-то тупым и безучастным видом разглядывал унылый пейзаж за окнами столовой.

Даже издалека, стоя на широких каменных ступенях, ведущих в обеденный зал, я мог разглядеть рваный шрам на его виске. Стыдливо полуприкрытый темными волосами, он все же настойчиво высовывал свои неровные, грубо сшитые края. Машинально, как будто неосознанно, Миллер несколько раз прикасался к нему, вскользь проводя по рубцам кончиками длинных, до смешного тонких пальцев. И в эти мгновения выражение его мрачного лица казалось еще более угрюмым.

– Эй, Браун, – я схватил за локоть пробегавшего мимо молодого патрульного, заставив его остановиться, а затем кивнул в сторону Фрэнка. – Не знаешь, кто это такой?

Браун обернулся и бросил на Миллера не слишком заинтересованный взгляд, после чего незаметно кивнул мне и произнес:

– Это детектив из отдела специальных расследований. Странный тип. Я видел его вчера вечером на парковке, чуть не врезался в него капотом. Он брел между машин, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг. Кажется, он еще не совсем оправился после…

Патрульный оборвал фразу на полуслове и многозначительно постучал себя указательным пальцем по виску.

– Откуда его к нам перевели? – я с надеждой уставился в лицо Брауна. – Не знаешь?

Но он лишь покачал головой:

– По-моему, его ниоткуда не переводили. Я слышал, как Майерс бубнил о том, что Фрэнка Миллера необходимо восстановить как можно скорее и покончить со всей бумажной волокитой.

– Восстановить? – удивление само собой заплескалось где-то внутри моей головы. – Но я впервые слышу это имя.

Браун молча пожал плечами, едва заметно кивнул мне на прощание, и через пару мгновений его силуэт затерялся в толпе на лестнице, ведущей наверх, к рабочим местам офицеров.

Я обернулся и посмотрел на Фрэнка Миллера. Как и прежде, он отрешенно изучал осенние деревья за окном, мокнущие под струями холодного ноябрьского ливня. Казалось невероятным, как настолько молодой детектив мог незаметно для всех восстановиться в участке, в котором я работал вот уже одиннадцать лет. Если бы он на самом деле числился в штате ранее, мы бы неизбежно были знакомы. Но я абсолютно был уверен в том, что видел его впервые.

Мысль о том, что Миллер мог значиться в списках сотрудников вашингтонского детективного отдела еще до моего появления здесь казалась абсурдной. Несмотря на потрепанный внешний вид, он едва ли тянул на двадцать семь, мне же уже шел тридцать шестой год. Все это выглядело очень странно.

Однако спустя полчаса я уже и думать забыл о Фрэнке Миллере, когда в участке раздался звонок от одного из соседей снизу. Переехав в Вашингтон из Нью-Йорка пятнадцать лет назад, я арендовал небольшую, но светлую и чистую квартирку вдали от центральных улиц, где жил и поныне.

И вот сейчас в моем обособленном холостяцком гнездышке развернулся настоящий потоп – старые трубы не пережили начала нового отопительного сезона.

Все следующие дни я старался привести квартиру в порядок, а заодно разыскивал по округе Тапиоку, мою глупую старую кошку, легкомысленно сбежавшую через распахнутое окно спальни во время потопа. Поэтому, возвращаясь домой после очередного рабочего дня, я сбрасывал с себя

промокший до нитки и отяжелевший плащ, переодевался в толстое ватное пальто и, прихватив фонарик, совершал очередной набег на ближайшие подворотни. Однако никаких следов кошки так и не находил.

Я уже было смирился с ее неминуемой гибелью, когда в одну из ночей до моего слуха сквозь сон донеслось жалобное мяуканье. Я открыл глаза и уперся зрачками в потолок, на котором все еще отчетливо были заметны влажно-бурые пятна.

Я уже решил, что мне все почудилось, когда мяуканье повторилось вновь. Звук доносился снаружи, просачиваясь в темную спальню сквозь неплотно прикрытые окна.

Я поднялся с постели и поежился – в квартире было холодно и сыро. Трубы, предательски подмочившие мои апартаменты, еще не успели починить, а потому все крыло старого дома осталось без уютного тепла. В такую промозглую погоду, что царила за ночными стеклами, меня спасало лишь двойное одеяло и колючий, но очень толстый плед, некогда подаренный мне покойной бабушкой.

– Тапиока? – произнес я не слишком громко, высунув голову в окно, а затем умолк и прислушался.

По ночному Вашингтону разгуливал ледяной ветер, насвистывая в подворотнях и продираясь издалека через вереницу серо-коричневых небоскребов. Где-то впереди, в путанице центральных кварталов, разрезали ноябрьскую мглу сирены полицейских машин. Из круглосуточного китайского ресторанчика, расположенного на первом этаже, тихо играла спокойная музыка.

Я осторожно приподнял деревянную створку окна и выбрался на металлическую пожарную лестницу. Осенний холод тут же проник под махровую ткань домашнего халата, взъерошил волосы на затылке и выпорхнул из широких рукавов, заставив меня поежиться.

Я поглядел вверх – туда, где темные решетчатые пролеты уходили в сизые клубы тяжелых туч. Но не заметил ничего. Дом мирно спал и глядел на аллею темными стеклами. Старой кошки на лестнице не было.

– Тапиока… – проговорил я, делая шаг к ступенькам, и едва не поскользнувшись на отсыревшем металле. – Вот дерьмо!

В последний момент мне удалось ухватиться за ледяные поручни, тем самым предотвратив неминуемое падение.

Сердце в груди колотилось так бешено, что на минуту заглушило и далекий рев сирен, и даже завывание позднего осеннего ветра. С трудом переведя дыхание, я решил бросить глупую затею и вернуться в свою спальню.

И именно в этот момент до меня донеслось жалобное, едва различимое «мяу». Я резко вскинул голову в направлении звука и непроизвольно охнул в пустоту. Комок густой мокрой шерсти сотрясался от холода на одном из неглубоких каменных карнизов, украшавших пролеты между этажами.

– Тапиока! – я в ужасе пялился на животное, отчаянно сверкающее желтыми глазами. – Как ты туда забралась?!

Самостоятельно стащить кошку было невозможно: лестничные перила обрывались в пятидесяти дюймах от каменного уступа. Даже если извернуться и попытаться стащить ее оттуда или упросить вернуться назад, животное почти наверняка сорвется вниз, не допрыгнув.

Вот почему я в замешательстве топтался какое-то время на лестнице, соображая, что мне делать дальше и как спасти от смерти свою глупую старую кошку.

– Алекс? – раздался знакомый женский голос где-то над моей головой. – Что случилось?

Я поднял глаза и наткнулся на обеспокоенное лицо миссис Симонс. Высунувшись в окно, она с тревогой следила за мной, разбуженная шумом за окном. Ее растрепанные седые волосы, выбившись из аккуратной прически, метались вокруг сухого лица, словно ненароком потревоженные змеи.

Миссис Симонс была милой и спокойной старушкой – вдовой, несколько лет назад похоронившей мужа, с которым она провела всю свою жизнь. Однако,

несмотря на свою безупречную репутацию и ухоженный внешний вид, она все равно вселяла в мою душу некоторый страх. А потому я откровенно побаивался ее и стремился избегать, делая все возможное, чтобы не сталкиваться с ней нос к носу.

Вот почему, если я замечал миссис Симонс в холле первого этажа, возвращаясь с работы, я не раздумывая несся к лестничному пролету и вскарабкивался на свой этаж пешком, тяжело сопя. Я знал, что старушка всегда пользуется лифтом.

– Доброй ночи, миссис Симонс, – немного растерянно произнес я. – Я пытаюсь придумать план, как мне спустить вниз мою кошку и не дать ей свернуть себе шею.

Я жестом указал на каменный уступ, на котором, молча тараща испуганные глаза, трепетало на стылом ветру оголодавшее животное. Заметив Тапиоку, старушка в изумлении всплеснула руками, а затем ответила:

– Как она туда вскарабкалась? Алекс, нужно срочно спасать несчастное создание!

– Если бы я только знал, как это сделать…

– Я дотянусь до нее, – решительно выпалила миссис Симонс, после чего наполовину высунулась из своего окна. – Здесь совсем недалеко, я дотянусь.

– Нет!

Я ощутил, как под ребрами что-то испуганно сжалось, а затем время стало идти как-то слишком медленно. Неестественно медленно. Как во сне, я наблюдал за тем, как сухая женская фигура почти целиком высовывается из-за стекла, придерживаясь одной ладонью за отсыревшую деревянную створку. А затем тянется вперед, пытаясь ухватить сбившегося в комок глупого кота.

– Боже мой, – я на мгновение прикрыл глаза, чтобы не лишиться чувств от охватившего меня неприятного волнения. – Миссис Симонс, умоляю вас, вернитесь обратно! Вы же разобьетесь!.. Господи!

Но старушка, казалось, даже не слушала моих слов. Лавируя на высоте, превышающей двадцать ярдов, она спокойно зазывала животное, все ближе подтягивая к нему иссушенные возрастом пальцы с бордовыми ногтями.

– Тапиока, девочка… – прокряхтела она, балансируя на одной ноге. – Иди сюда, малышка… Иди ко мне…

Кошка испуганно уставилась на старушечью ладонь, зависшую совсем близко от ее носа, опасливо принюхалась и громко чихнула.

Как завороженный, я следил за тем, как над моей головой происходит самое ужасное из всего, что я только мог себе представить. В любое мгновение старушка могла сорваться в чернеющую под нами пропасть, неловко оступившись на скользком карнизе.

Каждая секунда тянулась так медленно, будто я оказался в густом малиновом сиропе. Все, что я мог – исступленно бормотать себе под нос и надеяться на то, что миссис Симонс все же не свалится вниз. Одна мысль об этом прошибала мою взмокшую от напряжения спину колючими иглами неподдельного ужаса.

– Умоляю вас, миссис Симонс… – я предпринял еще одну отчаянную попытку уговорить соседку вернуться назад в окно. – Вы же разобьетесь насмерть…

– Не говори глупостей, Алекс, – я услышал, как она громко фыркнула. – Я ведь рассказывала тебе много раз, что в молодости была воздушной гимнасткой в цирке. Я и сейчас смогу пройтись босиком по вон тому тросу!

Она кивнула на мокрый электрический провод, тянущийся к соседней крыше дома. В тусклом свете редких окон он казался похожим на огромную черную змею, стремительно уползающую в черноту.

– Не надо, я вам верю, – быстро проговорил я. – Но, пожалуйста, спуститесь…

Я не успел договорить – старушка громко вскрикнула. А затем с победным видом приподняла одной рукой вяло барахтающуюся в воздухе кошку.

– Как вам это удалось? – протянул я, задрав голову и не веря собственным глазам.

– Поднимись ко мне, Алекс, – деловито отряхнув грязные руки, ответила пожилая соседка. – Я пока накормлю твое несчастное животное.

Оконная створка этажом выше, громко хлопнув, отрезала желтый свет, льющийся из спальни, от ноябрьской влажной мглы, царящей снаружи. Мне не оставалось ничего, кроме как нырнуть обратно в свою квартиру, переодеться и подняться к миссис Симонс.

– Проходи, Алекс, я уже заварила тебе кофе, – улыбаясь, проговорила миссис Симонс, отступая, чтобы я мог проскользнуть в дверь. – Я знаю, что ты очень любишь горячий кофе!

Я молча кивнул в ответ, после чего юркнул в холл, увешенный черно-белыми фотокарточками, и заглянул в гостиную. Тапиока жадно уплетала что-то из небольшой белой пиалы, поставленной прямо поверх пледа на цветастом диване. Кошка выглядела уставшей и потрепанной, но вполне здоровой.

– Спасибо, – я перевел взгляд на взбалмошную соседку и отобрал из ее пальцев небольшую чашку с дымящимся эспрессо. – Очень кстати. Мне теперь все равно не уснуть после того, что случилось.

– Да брось, Алекс, – засмеялась миссис Симонс, обнажая ряд ровных искусственных зубов. – Это было очень весело! Я давно не рисковала, если признаться честно. С тех пор, как мы с покойным мистером Симонсом поженились, большую часть времени я стала проводить не под куполом цирка, а на своей кухне.

– Мне очень неловко, что вы так рисковали своей жизнью ради моей глупой кошки.

Я отхлебнул из чашки, и тут же ощутил знакомый горьковатый привкус свежесваренного кофе. Старушка была права – я до смерти обожал этот бодрящий напиток, и был готов пить его даже вместо воды. Наверное, именно поэтому я плохо спал по ночам, постоянно просыпался и подолгу ворочался в своей постели. Но противостоять магической силе кофеина было выше моих сил.

С другой стороны, если бы мой сон не был таким прерывистым и чутким, едва ли сегодня я бы сумел спасти свою старую кошку. Я бы продолжал безмятежно дремать в мягкой постели, не обращая никакого внимания на то, что происходит за окнами квартиры на темных вашингтонских улицах.

– Тебе не за что извиняться, Алекс, – миссис Симонс вновь расплылась в добродушной улыбке. – К тому же, ты неправ, если считаешь животных глупыми. Знаешь, у кошек отлично развита интуиция!

– Правда? – без особого интереса, скорее из банальной вежливости, поинтересовался я. – Я этого не знал.

Старушка уселась на краешек дивана, придерживая одной рукой чашку кофе, а другой осторожно поглаживая свалявшуюся шерсть Тапиоки, все еще жадно жующей что-то из белоснежной миски.

– О, да! – они кивнула. – У меня ведь тоже был кот, Алекс. Он умер вскоре после того, как я похоронила Теда.

– Сочувствую, – я допил остатки кофе и поставил пустую чашку на резной столик. – Это очень грустно.

– Не стоит, – миссис Симонс легкомысленно отмахнулась от моих слов, а затем сделала большой глоток из своей маленькой чашечки. – В смерти нет ничего ужасного, это всего лишь часть нашей жизни. Но вот что я тебе скажу, Алекс…

Она снова отхлебнула и с довольным видом облизнула бледные губы. Затем откинулась на спинку старомодного дивана и продолжила:

– Кошки прекрасно чувствуют приближение смерти. За несколько недель до того, как Тед скончался, моя Дейзи начала вести себя очень странно. Она всегда была такой спокойной кошкой, обожала целыми сутками лежать в кресле и дремать, но тут ее словно подменили. По ночам она садилась в углу спальни, прямо напротив того места, где спал Тед, и принималась выть. Я сразу поняла, что она предчувствует что-то нехорошее.

– Звучит жутковато, – протянул я, разглядывая вышитые узоры на тяжелых оконных портьерах. – Не хотел бы я однажды наблюдать это собственными глазами.

– Ну что ты, Алекс, – она с ноткой укора посмотрела мне прямо в глаза. – Именно благодаря моей Дейзи я успела попрощаться с Тедом! Перед его смертью мы провели вместе несколько самых лучших дней в нашей совместной жизни. Мы были по-настоящему счастливы – так, как не были уже давно. Я до сих пор с трепетом вспоминаю эти дни… Они согревают мою старческую душу в такие ненастные ночи, как эта, Алекс…

Я провел в гостиной миссис Симонс еще минут сорок, прежде чем смог наконец взять на руки задремавшую Тапиоку и вернуться к себе.

Перед тем, как снова отправиться в постель, я выкупал кошку в ванне с пеной, затем обернул в толстое махровое полотенце и положил рядом с собой. Утомленное животное тут же крепко уснуло.

На всякий случай я плотно прикрыл все окна в квартире, наполнил кормом доверху кошачью миску, после чего улегся в кровать поверх одеяла прямо в одежде. На часах, тихо щелкающих на прикроватной тумбе, стрелки показывали уже начало шестого утра. Не было никакого смысла пытаться уснуть – через тридцать минут мне нужно будет подниматься, чтобы принять душ и наскоро позавтракать, а затем ехать в участок.

Поэтому остаток времени до рассвета я провел, неподвижно лежа в постели и разглядывая колеблющиеся тени на потолке над своей головой. Проезжающие по аллее внизу редкие машины бросали оранжевый свет в бесконечные лужи на асфальте, а они в свою очередь отражали ущербное сияние в стеклах моей спальни.

Я слышал, что миссис Симонс так и не отправилась этой ночью в свою кровать. Ее гулкие шаги раздавались до самого рассвета, двигаясь то вперед, то назад, словно старушка бессмысленно бродила по комнате туда-сюда.

***

Погода с утра выдалась еще более скверной, чем была накануне. Я понял это, едва покинул холл собственного дома, очутившись под ледяной моросью, ниспадающей из густого, белесого тумана. Узкие улочки Вашингтона утопали в осенней сырости, и скрыться от нее было негде.

– Рид! – секретарша, ненадолго оторвав телефонную трубку от своей румяной пухлой щечки, подала мне привычный знак. – Майерс искал тебя.

Это означало, что у начальника полицейского отделения появилось дело для меня – что-то, что не рискнул бы распутывать больше никто.

За годы службы здесь за мной закрепилось амплуа «разгребателя дерьма». Если дело выдавалось слишком сложным и запутанным для рядовых следователей, то, в конечном итоге, оно неизбежно оказывалось на моем столе.

Наверное, это происходило потому, что я отличался куда большей дотошностью, чем остальные детективы из центрального участка. К тому же, у меня не было семьи и личной жизни. Это означало, что я мог не тратить время ни на что больше, кроме своей работы.

А еще я ненавидел бросать что-то, не доведя дело до логического финала. Вот почему, получив на руки очередную пухлую папку со спутанными показаниями свидетелей и загадочными обстоятельствами преступления, я фактически переставал спать по ночам, и с головой уходил в расследование.

Я пролистывал досье даже у себя в спальне. Проглядывал их, пока пил кофе по утрам и даже когда отправлялся в туалет. Ворошил кипу бумаг до тех пор, пока в моей голове не случалось долгожданного озарения.

Откровенно говоря, я был настоящим фанатиком. Практически эталонным трудоголиком. Служба в полицейском участке была моей единственной целью в жизни, поэтому она заменяла мне все – семью, друзей, секс, хобби и даже отдых.

Вот почему в свои тридцать пять у меня до сих пор не было ни одной постоянной женщины, и я жил вместе со старой, полубезумной кошкой в квартире с единственной спальней, чьи окна выходили на унылую, самую невзрачную аллею в Вашингтоне.

– Вызывали? – я без стука приоткрыл дверь и заглянул в кабинет начальника полиции. – Надеюсь, у тебя для меня есть что-то интересное.

Когда больше шести лет распутываешь самые заковыристые и муторные дела в квартале, обыкновенные преступления кажутся чем-то пресным и банальным. Признаться честно, предыдущее расследование рядового умышленного убийства загнало меня в меланхоличную апатию, и я был рад узнать, что появилось нечто более сложное.

Иначе Эрл Майерс не стал бы вызывать меня в свой кабинет. Он просто бросил бы папку на мой стол, как делал всегда, когда расследование грозило стать скоротечным.

– Входи, Рид, – проговорил он, после чего встал из-за стола. – И прикрой за собой дверь.

Только когда я шагнул под своды его кабинета, я заметил, что начальник полиции был не один. В углу, развалившись в потертом кресле из темно-коричневой кожи, сидел тот самый молодой детектив, которого я видел накануне в столовой.

– Это Фрэнк Миллер, – Майерс кивнул в угол. – Вы будете вдвоем трудиться над одним делом.

– Доброе утро, детектив, – я протянул Миллеру ладонь и тот вяло пожал ее в ответ, не поднимаясь из кресла. – Ни в коем случае не хочу вас обидеть, но не слишком ли вы молоды для подобных расследований?

– Я старше, чем кажусь на первый взгляд, – холодно обронил он, и в его глазах промелькнуло нечто странное.

– Фрэнк первоклассный специалист по делам вроде этого, – произнес начальник полиции, бросая мне тонкую подшивку. – Лучший в городе. Именно поэтому мы надеемся, что вдвоем вы как можно скорее наведете порядок в Блэк Вудс.

– Блэк Вудс? – переспросил я, напрягая память. – Никогда не слышал о таком месте.

– Неудивительно, – пожал плечами Майерс. – В городе проживает чуть больше тысячи жителей, большая часть из которых – старики и фермеры. Чтобы добраться туда, придется трястись по грунтовой дороге больше суток.

– Звучит весьма воодушевляюще, – я открыл подшивку и пробежался глазами по неровным печатным буквам. – И что же там произошло?

– Это вы и выясните вдвоем с Миллером, – отчеканил Майерс. – Известно лишь то, что за последние пять месяцев в городе при загадочных обстоятельствах скончалось уже три человека. Установить точную причину гибели так и не удалось. Но местный шериф настаивает на том, что это была насильственная смерть.

– И это все? – я разочарованно захлопнул папку, отчего листы внутри жалобно зашуршали. – Больше никаких свидетельств? Подробных данных о вскрытии жертв?

Начальник полиции вернулся за свой стол, тяжело опустился в кресло, затем пожал плечами, и, не глядя на меня, произнес:

– Местные требуют сразу сжигать трупы, опасаясь какой-то мифической угрозы из леса. Одному шерифу не так просто устоять под натиском испуганной толпы. Поэтому вы и поедете туда вместе с Миллером.

Я бросил быстрый взгляд на детектива, но ему, казалось, было совершенно безразлично все то, что происходило в кабинете. Он глядел куда-то сквозь окно, не замечая ни меня, ни Эрла Майерса.

Перехватив мой взгляд, последний немного виновато проговорил:

– Миллер уже ознакомился с делом. А если точнее – с теми крохами, которыми поделился шериф Блэк Вудс в своем отчете. У Миллера своя специфика расследований, но я надеюсь, что вы найдете общий язык. К тому же, у Фрэнка есть свои особые… методы, которые могут оказаться очень полезны в этом деле.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как молча кивнуть в ответ на слова Майерса.

Конечно, перспектива вести расследование бок о бок с этим странным и угрюмым человеком меня совершенно не радовала. Я бы предпочел действовать один и незамедлительно избавиться от молчаливого напарника, свалившегося мне на голову.

Но если начальник полиции был прав, и Миллер обладал каким-то особенным опытом, это могло сыграть мне на руку. Хотя и верилось в это с трудом – какой прок мог быть от такого молодого детектива, да еще и с явно несносным характером?

Но вместо того, чтобы озвучивать свои опасения, я лишь произнес:

– Когда выдвигаемся?

– Завтра ночью, – Майерс шумно отхлебнул кофе из огромной кружки с ярко-красной надписью на боку «лучший шеф в мире». – Поэтому я надеюсь, что ты успеешь подготовиться к путешествию за сегодняшний вечер и ознакомишься с делом перед отъездом.

Я снова молча кивнул.

Что ж, по крайней мере, выходные я проведу в дороге, а не в своей холодной квартире. Нужно будет только не забыть заглянуть к миссис Симонс и попросить ее присмотреть за Тапиокой, пока я буду в отъезде.

– Заглянешь ко мне через час, я выдам тебе все необходимые документы и деньги на непредвиденные расходы, – низкий голос начальника полиции выбил меня из собственных мыслей. – Оружие, как обычно, возьмешь у Блэйка.

Спустя пару минут и я, и Фрэнк Миллер стояли уже возле приоткрытой двери. Молодой детектив первым покинул кабинет, молча выскользнув наружу. Но когда я собирался последовать его примеру, Майерс неожиданно окликнул меня:

– Слушай, Рид, у меня к тебе будет просьба личного характера, – он серьезно посмотрел в мое лицо. – Присмотри за Фрэнком, ладно? Он еще не совсем пришел в себя после травмы… Честно говоря, я бы оставил его на больничном еще на пару месяцев, но он – единственный специалист в своем роде, способный

расследовать дела вроде этого. Понимаешь?

– Предлагаешь мне стать нянькой? – в моем голосе помимо воли прошмыгнуло раздражение. – Я детектив, Эрл, а не сиделка для трудных подростков.

– Я просто прошу тебя быть с ним помягче. За свою жизнь Фрэнк Миллер успел пережить множество не самых приятных вещей. Я очень давно знаю его… – начал Майерс, но внезапно запнулся, словно передумал говорить дальше. – В общем, не будь с ним слишком резок. Это все, чего я требую.

Я вздохнул. Когда капитан просит полицейского об особом отношении к другому полицейскому, это может означать лишь одно: второй будет доставлять огромное количество проблем первому. Но спорить с Майерсом было бессмысленно и даже опасно – он не потерпит пререканий от своих подчиненных, даже от тех, кто значится у него в списке любимчиков.

– Ладно, – сухо ответил я. – Но можешь не рассчитывать на то, что я стану подтирать Миллеру сопли.

– Этого не потребуется. Фрэнк из той категории людей, которые никогда не попросят других о помощи, даже если будут отчаянно нуждаться в ней.

– Надеюсь на это, – пробормотал я себе под нос, прикрывая дверь и погружаясь в суету, царящую в холле.

Глава 2. Ник Лаффер

В крошечном больничном комплексе было темно и очень тихо. Сперва мне даже показалось, что в здании нет никого, кроме меня. Но стоило мне шагнуть ближе к коридору, ведущему в палаты больных, как из-за белой двери справа вынырнула невысокая фигура.

– Шериф, – старый доктор протянул мне морщинистую руку. – Рад, что вы заглянули к нам.

– Есть какие-то новости? – глухо поинтересовался я и незаметно вздохнул. – Как Джон?

Старик покачал головой и с грустью взглянул в мои глаза. На его ссохшемся лице проскользнула тень, но он тут же взял себя в руки и ответил:

– Пошли девятые сутки, Ник. Никаких положительных изменений нет, я по-прежнему ничего не могу для него сделать и не в силах помочь твоему другу.

– Вы пробовали увеличить дозу снотворных? Использовали наркоз? – я с надеждой уставился в вылинявшие зрачки доктора. – Неужели ничего не помогает?

– Нет, Ник, – старик покачал головой и тяжело выдохнул. – Мне очень жаль. Я бессилен перед этим недугом.

Я прикрыл веки и ощутил, как темный больничный коридор завертелся под моими ногами. Сердце в груди медленно, но оглушительно билось – так, что какие-то мгновения я не слышал ничего, кроме этих низких, громких ударов.

– Тебе стоит поговорить с его семьей, шериф, – голос старика донесся до моего сознания как будто сквозь пелену небытия. – Я ничего не говорил им, но… Будет лучше, если ты сам это сделаешь.

– Сколько времени у него осталось? – я заставил себя говорить спокойно и тихо, хотя в глубине души бушевало отчаяние. – Как долго он протянет?

– Не думаю, что он переживет эту ночь, шериф. Никто еще не продержался дольше девяти суток. Ты ведь сам знаешь…

Доктор неуверенно хлопнул меня по плечу и потупил глаза.

Я молча кивнул и сглотнул пульсирующий ком, подкативший к горлу. В кромешном безмолвии больничного комплекса каждое мое движение и каждый шорох темно-синей осенней куртки раздавались непривычно громко. Словно эти унылые, бледно-зеленые стены усиливали любой звук.

– Как Кристин? – я оторвался от своих тяжелых мыслей и вернулся в реальный мир. – Она все еще… не пришла в себя?

Кристин Блэк была единственной, кто выжил после того, как очутился в лесу. Единственная жертва, которая сумела избежать страшной участи. По какой-то необъяснимой причине Кристин не страдала от бессонницы, как все остальные, кто безрассудно сунулся в чащу. И она все еще была жива.

Однако что-то с ней было совсем не так. И это держало в ужасе весь городок. После того, как Кристин вернулась из леса, она начала вести себя странно. Настолько странно, что девушку пришлось запереть в больнице.

– Нет, – доктор покачал головой. – Как и прежде, обследование ничего не выявило, шериф. Я понятия не имею, что с ней происходит.

– Знаешь, люди в городе все больше тревожатся об этом, – я машинально бросил взгляд в самый конец коридора, где темнела дверь с решетками на узком окне. – Некоторые верят, что Кристин как-то причастна к тому, что творится в лесу. Мне все сложнее держать ситуацию под контролем.

– Ник, я не стану брать пистолет, – старик едва заметно улыбнулся уголками бесцветных губ. – Я понимаю, к чему ты клонишь, но отвечу тебе то же, что и прежде: я доверяю людям, которые живут в Блэк Вудс, и не стану угрожать им оружием. Ни при каких обстоятельствах.

– Да, но…

– Шериф, – перебил он меня и вдруг выпрямился, став будто даже немного выше. – Я провел в этом месте всю свою жизнь. Даже если люди взбунтуются и решат расправиться с Кристин, я найду что-то более действенное, чем пули и грубые угрозы.

– Серьезно? – разочарованно протянул я. – И что же? Попытаетесь воззвать к голосу рассудка? При всем уважении, доктор Вайнс, это уже не действует. С тех пор, как на Блэк Вудс обрушилось это проклятие, жители города с каждым днем все менее склонны рассуждать здраво.

Старик вновь молча покачал головой, после чего вздохнул и бросил короткий взгляд в мутные стекла, за которыми моросил унылый ноябрьский дождь. Порывы сырого ветра бросали в окна темно-оранжевые листья и те, прилипая, жалобно трепетали намокшими краями, будто силясь упорхнуть. Улететь куда-то, поднявшись к самой границе тяжелых черных туч.

– Я не стану брать оружие, – отчеканил упертый старик. – У меня много работы, шериф. Поэтому, если я тебе больше не нужен…

Он окинул меня изучающим взглядом, и мне не оставалось ничего, кроме как молча кивнуть ему в ответ.

Когда его сухая приземистая фигура скрылась в одном из проемов больничного коридора, я обернулся и посмотрел в сторону двери, ведущей в палату Джона Уэста. Смутное волнение и страх сковали меня изнутри, и какое-то время я не мог даже пошевелиться. Просто стоял и таращился вперед, буравя зрачками грязное дверное полотно с облезшей краской.

– Черт, – я выругался себе под нос и постарался обуздать нахлынувшее не к месту волнение. – Зачем ты вообще потащился в этот чертов лес, Джон? Зачем нарушил мой запрет?

Я так и не нашел в себе сил подойти ближе и толкнуть дверь. Не нашел, потому что прекрасно знал о том, что я увижу за ней. И не был готов к этому.

Поэтому я медленно, как в старой заторможенной киноленте, побрел мимо, ощущая, как к горлу подкатывает скудный завтрак. Затем так же неспешно толкнул плечом стеклянную входную дверь и вышел под струи ледяного ливня.

Я осознавал, что если сейчас не вернусь и не войду в больничную палату, то больше у меня не будет шанса попрощаться со своим помощником. Что это последний день, когда Джон Уэст жив. Что он, скорее всего, уже не переживет новую бессонную ночь.

Однако страх, толкавшийся в глубине моего сознания, умолял меня не делать этого. Жалобно просил сбежать отсюда, без оглядки и сожалений. Сесть в потрепанную полицейскую машину, надавить на газ и умчаться в густой влажный мрак, царящий в городе.

Я понимал, что должен был поступить совсем иначе. Должен был вернуться. Толкнуть хлипкую дверь, сесть на краешек больничной койки, ободряюще похлопать Джона по истощенной спине с выпирающими позвонками, а затем посмотреть в его черные зрачки, окруженные такой же непроглядной чернотой тонких, иссушенных век.

Но у меня просто не хватило духу. Не нашлось столько сил, чтобы совершить над собой усилие. Поэтому я сбежал. Сел в машину, захлопнул за собой дверцу и двинул с места.

Ощущая, как шуршит мокрый гравий под колесами и разглядывая катящиеся по лобовому стеклу капли, я с ненавистью и давящим чувством отчаяния смотрел сквозь больничный комплекс вдаль. Туда, где возвышались кромки старых, исполинских деревьев.

Молча проклинал этот лес, снова и снова, как будто он был виноват в том, что я струсил. Словно он был повинен в моей слабости.

***

Блэк Вудс – это городок из разряда тех, в которых нет совершенно ничего, кроме старых одноэтажных домов с обветшалыми фасадами и бескрайних ферм, тянущих свои неровные вспаханные края вдоль кромки чернеющего леса.

Центральная аллея, такая же убогая и унылая, как и сам город, расположилась на северо-западе поселения, и только здесь царило хотя бы некое подобие уюта. В единственной закусочной Блэк Вудс на Редроуд я обыкновенно потягивал черный кофе в свой обеденный перерыв, а затем возвращался в крошечный участок в самом конце аллеи.

По пустынным улочкам городка двенадцать месяцев в году гулял промозглый ветер, принося с собой запах хвои из вечнозеленого, но мрачного леса, обступившего испуганные старые дома со всех сторон. А осенью, когда мгла и бесконечный туман выползали из чащи, просачиваясь сквозь бурые кочки и захватывая каждый дюйм графитовых дорожек, спастись от сырости и стужи можно было лишь у себя в гостиной. Завернувшись в несколько одеял и попивая горячий чай у оранжевого пламени камина, пролистывая одни и те же книги,

читая одни и те же журналы или слушая одни и те же песни на трещащем от старости патефоне.

Но в какой-то момент эта унылая стабильность отошла в прошлое. Как будто жуткий лес, окружавший непроглядным кольцом наш городок, решил напомнить о том, кто здесь главный. Решил растревожить сонный покой этого затерянного в густых туманах места…

– Как там Джон, шериф? – молоденькая официантка едва ощутимо тронула меня за руку. – Ему не стало лучше?

Я допивал третью чашку кофе в закусочной, изо всех сил стараясь не вспоминать ни о своем визите в больницу, ни о докторе Вайнсе, ни о несчастном молодом напарнике, доживающем свой последний день. Но, конечно же, мои мысли упорно возвращались именно к этому, снова и снова.

– Нет, Мэгги, не стало, – я залпом допил остатки кофе, борясь с подступающей тошнотой. – Боюсь, что уже никогда не станет.

– Неужели опять? – девушка поджала губы и отвела взгляд в сторону. – Так много смертей, шериф… За что нам все это?

– Я не знаю, Мэгги.

Она ненадолго умолкла, так и оставшись стоять рядом со мной и держа в руке почти пустой кофейник. Но затем, будто сделав над собой усилие, официантка опустила стеклянный сосуд на стол, обхватила одну ладонь другой, словно желая согреть пальцы, и произнесла так тихо, что я не сразу расслышал ее слова:

– А Кристин?.. Она… Она все еще говорит?

– Да, Мэгги, – ответил я, не глядя ей в глаза. – Все еще говорит.

На ее лице отразилась целая буря самых разных эмоций, но в конечном итоге победила одна – страх. В больших, пока еще чистых и наивных глазах официантки из Блэк Вудс заплескался ужас.

– Люди очень напуганы этим, шериф, – прошептала она. – Если честно, я тоже…

– Я знаю об этом, Мэг. Но уверяю тебя, вскоре все снова станет, как и прежде.

– Правда? – она слабо улыбнулась и, кажется, даже повеселела. – Вы так думаете?

– Я это знаю, – уверенно проговорил я. – Как только в Блэк Вудс прибудет детектив из Вашингтона, и я наконец обрету поддержку в расследовании, мы наведем порядок в городе.

– Скорее бы это произошло, мистер Лаффер!

Девушка наконец отошла в сторону, забрав с собой пустую чашку кофе, а я смог вернуться к своим тяжелым размышлениям.

Конечно, я надеялся на то, что опытный следователь сумеет пролить свет на странные происшествия, захлестнувшие Блэк Вудс. И даже почти верил в это. Но едва ли полицейский, даже самый хороший и квалифицированный, сумеет справиться с чем-то, что не поддается никаким законам логики.

Люди в городе не зря были так встревожены происходящим. Столько смертей за такое короткое время, столько необъяснимых, жутких и странных явлений. Бессонница, отнимающая жизни и глухонемая от рождения женщина, внезапно заговорившая после того, как вернулась из смертоносного леса – здесь было отчего пугаться и терять покой.

Я знал Кристин Блэк с самого детства. Как и многие жители города. Женщина работала на одной из ферм и жила на самой окраине поселения – там, где темная чаща подбирается вплотную к домам.

Кристин была второй, кто пострадал после прогулки в лесу. Однако, вопреки всему, она сумела выжить. Ее не мучили ни странная, неизлечимая бессонница, ни стремительная потеря веса.

Кристин вернулась из леса живой и невредимой, однако изменилась настолько сильно, что испугала местных куда сильнее, чем все, что происходило потом.

Безмолвная и тихая она внезапно начала говорить. Произносить кошмарные, слишком непонятные для обычного человека вещи.

Кристин напугала горожан так сильно, что в какой-то момент женщину пришлось посадить под замок в больничном комплексе. Скорее, ради ее же собственной безопасности, чем из страха того, что она сумеет кому-либо навредить.

Все чаще в Блэк Вудс шептались о том, что Кристин – ведьма, и что именно она наслала на укромный городок смертельное проклятие. С каждым днем атмосфера в Блэк Вудс сгущалась все больше, и я всерьез начал опасаться того, что отчаявшиеся жители, обезумевшие от страха, решат расправиться с несчастной, свершив самосуд.

Вот почему я уже который раз наведывался в больницу и упрашивал старого доктора Вайнса взять пистолет, чтобы иметь возможность защитить и себя, и пациентов своей клиники. Однако упертый старик был непреклонен.

В другое время я бы попросил своего помощника проследить за безопасностью в больнице, однако теперь у меня не было помощника.

Джон Уэст нарушил мой запрет и сунулся в чащу. Нарушил правило, которое я установил после того, как от необъяснимой бессонницы погибла вторая жертва. Правило, которое должно было защитить жителей Блэк Вудс до прибытия детектива и должно было притормозить эту жуткую, противоестественную напасть. Но любопытство Джона и желание докопаться до истины оказалось сильнее, чем врожденный инстинкт выживания. И теперь он тоже был обречен. Обречен на медленную и мучительную смерть от истощения, обезвоживания и потери сил.

Выяснить, от чего именно погибали люди и что становилось причиной бессонницы, я так и не сумел. Единственное вскрытие, которое мы с доктором Вайнсом успели провести, не дало никаких внятных ответов. Люди словно усыхали изнутри, съеживались, как опавший лист на ветру.

А потом люди взбунтовались. Уверенные в том, что бессонница заразна, они стали требовать изолировать от остальных тех, кто заболел. А затем – незамедлительно сжигать их трупы. Скудное кладбище Блэк Вудс с завидным

постоянством пополнялось новыми могилами. И, несмотря на все мои попытки обезопасить город, новые жертвы все равно продолжали появляться…

– Возьмите, шериф, – голос Мэгги прозвучал над моим ухом так неожиданно, что я вздрогнул. – За счет заведения… Мы очень надеемся на вас!

Я молча перехватил протянутый девушкой бумажный пакет с ломтем фруктового пирога внутри. И кивнул в знак благодарности, ощущая, как ее слова в буквальном смысле придавливают меня к месту.

«Надеемся на вас»…

Если бы только я знал, как бороться с тем, чего я никогда прежде не видел. Если бы я мог хотя бы понять, что за чертовщина творится с этим городом.

***

– Все, как всегда, шериф, – мрачно проговорил старый доктор, протягивая мне бумаги для подписи. – Тело уже в морге.

Джон Уэст умер ближе к вечеру. Как и все предыдущие жертвы, несчастный не продержался дольше девяти суток. Теперь на холодной металлической каталке в подвале лечебницы коченело его тело – до нелепого сморщенное и сухое, как будто из него откачали все содержимое.

Тонкая, почти прозрачная кожа, обтягивающая голые кости – так выглядел каждый труп. Даже если болезнь одолевала того, кто имел лишний вес и внушительный запас подкожного жира, через девять суток от человека не оставалось уже ничего, кроме пергаментной бледно-голубой шкуры и мешка костей.

– Вы уже успели осмотреть тело, доктор? – я с глупой надеждой уставился в лицо старика, прекрасно зная, что он ответит. – Нашли что-нибудь?

– Нет, шериф, – он развел руками в стороны и тяжело вздохнул. – Абсолютно ничего. Как и прежде, лишь следы сильнейшего истощения.

– Хорошо, – мрачно проговорил я.

Я так надеялся на то, что Джон все же продержится до приезда детектива. Что у него будет шанс на спасение, пусть и мизерный, до смешного крошечный. Но Джон не продержался. Ничего не помогло.

Я сам наблюдал за тем, как он угасает – все эти дни, час за часом. Будто что-то невидимое, засев внутри его тела, выкачивало из него саму жизнь. Выжирало его, иссушая каждый его мускул, испаряя каждую каплю крови.

Все лекарства, которые доктор старался вкачать в его вены, просто испарялись. Едва попадая в организм, препараты словно переставали существовать в этой реальности. Не помогала даже глюкоза, Джона не брал ни наркоз, ни самые сильнодействующие препараты для подавления деятельности мозга.

В какой-то момент мы, посоветовавшись с женой несчастного, решили ввести моего помощника в состояние искусственной комы, но и этот способ не сработал. Джон угасал, испаряясь на глазах, а мы лишь стояли и смотрели на него, беспомощно хлопая испуганными глазами.

Он не спал и не ел, его не получалось даже напоить обыкновенной водой. Стоило мне насильно впихнуть в его потрескавшиеся до крови губы немного пищи, и Джон тут же сгибался пополам от рвотного рефлекса. Несмотря на смертельное обезвоживание, он не мог проглотить ни капли воды.

Джон Уэст скончался в ужасных мучениях, лежа в больничной койке и терпеливо дожидаясь неотвратимого конца. И единственное, чем я утешал самого себя, толкая к крематорию стальную тележку с его телом, накрытым простыней, – это тем, что пока новых жертв в городе еще не появилось.

За эти девять дней, пока погибал мой помощник, никто больше не отважился сунуться в лес. И, казалось, что проклятие, навалившееся на Блэк Вудс и сдавившее его в смертельных объятиях, наконец начало испаряться. Так мне мерещилось.

– Оставь его здесь, Ник, – тихо произнес доктор. – Дальше я все сделаю сам. Тебе лучше отдохнуть, выглядишь неважно.

Я хотел начать с ним спорить, но внезапно передумал. Я и в самом деле ощущал себя отвратительно. Все эти дни я почти не спал и почти не ел, и большую часть суток на дне моего желудка плескались лишь литры крепкого кофе, отчего мне становилось только хуже.

Хороший сон и плотный ужин – это то, что было необходимо мне сейчас. То, что поможет мне восстановить силы, чтобы приступить к расследованию с удвоенным рвением.

Сейчас, когда Джон ушел, больше ничто не будет отвлекать меня от дела. Теперь я смогу проверить каждый камень в этом проклятом городишке, осмотреть каждое дерево в лесу и заглянуть в каждую лисью нору, чтобы докопаться до истины.

Теперь, когда Джон мертв, я обязан это сделать. Я обещал это его беременной жене, обещал его безутешной матери. Я знал, что все эти люди на самом деле рассчитывают только на меня. Ведь больше ждать помощи им было просто неоткуда.

Именно с этими тягостными мыслями я покидал территорию больницы, понурив голову и глядя себе под ноги.

Медленно тащась через залитую ночным ливнем пустую парковку к своей машине, я на мгновение поднял глаза и взглянул в чернеющие пустотой окна лечебницы.

Лишь за одним стеклом в крыле для пациентов горел свет. В палате, где сейчас была заперта Кристин Блэк. Я машинально замер, натолкнувшись зрачками на ее бледное лицо, высовывающееся из-за застиранной белой занавеси.

Женщина пристально следила за мной сквозь окно, испещренное дождевыми каплями, наблюдая за каждым моим движением через расстояние, разделявшее нас. Перехватив мой встревоженный взгляд, Кристин неожиданно вскинула правую ладонь и сделала странное движение, напоминающее неловкое приветствие.

Я неуверенно кивнул ей в ответ, поежившись то ли от пронизывающего ночного ветра, гуляющего по парковке, то ли от ее темнеющих, тускло поблескивающих

сквозь стекла с решетками, глаз.

А затем отвернулся и быстрым шагом добрался до полицейского авто, нырнул в его спасительное тепло, завел мотор и рванул прочь, на ходу включая радио и стараясь выбросить из своей головы все, что я пережил за последние несколько месяцев.

Глава 3. Алекс Рид

Я провел несколько вечерних часов, сидя в своей спальне и пытаясь понять, что именно могло спровоцировать волну необъяснимых смертей, обрушившихся на крошечный городок, затерянный в вечнозеленых лесах. Но из сумбурного отчета шерифа можно было четко понять лишь две вещи: никаких улик нет, так что строить даже теоретические догадки невозможно; полицейский настолько напуган, что был не в состоянии состряпать нормальный доклад.

Наверное, я бы так и продолжил копошиться в бумагах, разложенных тонкими стопками по моей постели, если бы в комнату не заглянула кошка. Громко мяукнув, она тут же притихла и выжидающе уставилась на меня своими ярко-желтыми глазами.

Я оторвал взгляд от документов, еще больше запутавших мои мысли, и посмотрел на часы, бледно мигающие зеленым свечением на противоположной стене.

– Вот черт! – только в это мгновение я понял, что до сих пор не поговорил с миссис Симонс, хотя время начинало неумолимо поджимать. – Я ведь совсем забыл о тебе, Тапиока!

Старая кошка, словно поняв мою фразу, укоризненно сверкнула сузившимися зрачками, а затем лениво зевнула, оставшись сидеть у порога.

Я сполз с кровати, небрежно швырнул доклад шерифа на комод, отчего некоторые листы разлетелись по комнате, накинул на плечи домашнюю кофту и остановился посреди спальни, прислушиваясь. Кажется, старушка еще не спала

– я отчетливо услыхал, как по потолку над моей головой несколько раз шаркнули ее тапочки.

Прикрыв за собой дверь, я вышел в пустой холл, и тут же поежился от холода. Окно в другом конце этажа было приоткрыто, и ноябрьский ветер с радостью заглядывал в коридор, просовывая свои ледяные, влажные пальцы в створку.

Преодолев два ряда ступенек, я шагнул к двери, ведущей в квартиру миссис Симонс, а затем постучал. Однако мне никто не ответил.

Набравшись храбрости, я поколотил в хлипкое дверное полотно носком ботинка, после чего затаился, пытаясь расслышать, что происходит внутри квартиры. Но меня снова встретила лишь гробовая тишина.

– Странно, – пробормотал я себе под нос. – Почему она не открывает?..

Старушка была дома – в такую кошмарную, промозглую погоду, делать на улице ей было решительно нечего. К тому же, я был абсолютно уверен в том, что слышал ее шаги в своей спальне. Тихие и осторожные, немного не такие, как обычно, но все же это были именно они. Старческое шарканье домашних тапочек по гулким половым доскам. Я настолько привык к нему за годы, проведенные в этом доме, что оно уже давно вплелось в общий звуковой фон моих апартаментов.

Решив не сдаваться так просто, я побрел к окну в холле, которое на этом этаже оказалось плотно закрытым. Осторожно приподняв створку, я высунул голову наружу, и едва не задохнулся от резкого порыва стылого ветра, ударившего в мое лицо. В носу защипало от резкого перепада температуры, и я почувствовал, как заслезились глаза.

Обхватив пальцами деревянный карниз, я аккуратно подался вперед, уперся животом в холодную стену и выглянул вправо. Там, чуть поодаль, сияли желтым светом окна миссис Симонс. Но стоило мне только заметить это, как стекла в ту же секунду погасли. Как будто старушка играла со мной в какую-то нелепую игру, стараясь спрятаться.

Громко чертыхнувшись, я вытер влажные ладони о карманы флисовых брюк, захлопнул окно и вернулся к двери, ведущей в покои моей соседки, внезапно

ставшей такой неприветливой. Однако новые попытки достучаться до миссис Симонс не увенчались успехом – она упорно делала вид, что никого нет дома.

Не зная, что мне теперь делать и куда мне девать на время отъезда свою кошку, я в отчаянии топтался в холле, и лишь затем вспомнил о том, что могу попросить об одолжении портье.

Вряд ли Стэн откажет мне – он был дружелюбным и веселым парнем, с которым я каждое утро обменивался приветствиями, а иногда даже делился последними новостями из вашингтонского участка.

Нырнув в кабину лифта, я спустился на первый этаж и с облегчением выдохнул, заметив впереди знакомый темно-красный жилет молодого портье. Он еще не успел уйти домой, к моей безграничной радости оставаясь на дежурстве в этот не самый ранний час.

– Добрый вечер, Стэн, – я шагнул к деревянной лакированной стойке и протянул ладонь, которую тут же обхватили холодные цепкие пальцы. – Слушай, у меня здесь наклюнулось одно важное дело, поэтому мне нужно будет уехать из города сегодня ночью на неопределенный срок. Ты не присмотришь за моей кошкой?

– Конечно, мистер Рид, – кивнул мальчишка, широко улыбаясь. – Я всегда готов помочь.

– Отлично, – я прикрыл на мгновение глаза и громко выдохнул. – Спасибо большое, Стэн. Ты меня очень выручил. Я оставлю тебе ключи, когда буду уезжать.

– Без проблем, мистер Рид, – портье снова улыбнулся. – У меня у самого дома настоящий питомник для бездомных животных. Сестра постоянно тащит котов и собак с улицы. С одной кошкой я как-нибудь управлюсь.

Я молча кивнул ему и в знак признательности хлопнул по плечу, отчего на лице юноши тут же отразилась гримаса полного удовлетворения и даже гордости за самого себя. Очевидно, он считал, что ему поручили очень важное и ответственное задание.

Без особого интереса я скользнул зрачками по его тщательно выглаженной униформе, а затем остановился на стенде с крючками, на котором за толстым стеклом поблескивали несколько связок запасных ключей. Под номерком квартиры миссис Симонс, обычно пустующим, теперь красовались обе пары.

– А почему у тебя на крючке две пары запасных ключей от апартаментов миссис Симонс? – я снова поглядел в лицо портье, но все признаки самодовольства с него тут же испарились. – Кстати, не знаешь, где она? Я видел свет в ее окнах, но она не открыла мне…

– О, мистер Рид… – Стэн замялся и смутился, будто ощущая себя виноватым. – Я совсем забыл вам сказать… Навалилось столько дел, и у меня просто выпало из головы…

– О чем это ты?

Портье развел руками в стороны, словно демонстрируя полное бессилие, а затем ответил:

– Миссис Симонс умерла почти сразу после вашего отъезда, мистер Рид. Мы похоронили ее на прошлой неделе.

– Что? – я ощутил, как по спине скользнуло что-то неприятное. – Но это невозможно!

– Да, я понимаю, – мальчишка с грустью посмотрел в мои глаза. – Я тоже все еще не могу в это поверить… Но я сам нашел тело, когда миссис Симонс перестала открывать дверь, чтобы забрать продукты.

– Но… – я запнулся, не зная, что мне сказать и ошарашенно таращась в лицо Стэна. – Ты уверен?

– Конечно, – он кивнул в сторону ключей на крючке. – У бедняжки не осталось родных, поэтому я лично занимался ее похоронами.

Несколько мгновений я продолжал сверлить взглядом блестящий шкафчик за спиной портье, после чего почти неслышно пробормотал самому себе под нос,

ощущая себя до ужаса растерянным:

– Это просто бред какой-то… Я ведь видел ее вчера. Она стащила с карниза мою кошку…

– Вы что-то сказали, мистер Рид?

В зрачках Стэна проскользнуло волнение, но я уже успел взять себя в руки. Не хватало еще, чтобы мальчишка решил, что я спятил. В этом доме, как и в полицейском участке, у меня была безукоризненная репутация.

Во многом именно благодаря тому, что я умел сохранять хладнокровие в самых смешанных и странных ситуациях.

– Нет, Стэн, ничего… – я сделал поверхностный вдох и стряхнул с себя остатки неприятного изумления. – Все в порядке. Спасибо, что согласился помочь и присмотреть за Тапиокой.

– Всегда пожалуйста!

Я заставил себя одарить мальчишку бледной улыбкой в ответ, после чего потащился обратно к лифту. Приближалась ночь, а я так и не успел собрать вещи в дорогу. И если я не потороплюсь с этим прямо сейчас, покидать квартиру придется в крайней спешке. А я до ужаса не любил этого.

Стоило мне сунуть ключ в замочную скважину, как тишину пустой квартиры разрезал оглушительный треск телефонного аппарата, висящего на стене в прихожей. Я рывком схватил трубку с петель, одновременно захлопывая ногой входную дверь, чтобы глупая кошка не успела юркнуть наружу.

– Алекс Рид, – машинально произнес я. – Слушаю.

– Господи, Алекс, ты все так же говоришь, как офисная крыса, – знакомый голос на том конце провода громко хохотнул. – Даже находясь у себя дома.

– Эрл? – я удивленно приподнял бровь и невольно напрягся. – Что-то случилось?

Обыкновенно начальник полицейского участка не звонил своим подчиненным домой. За все годы службы я едва ли мог припомнить пару раз, когда это происходило. Несмотря на то, что мы с Майерсом неплохо ладили на работе и даже нередко обращались друг к другу по имени на зависть молодым сотрудникам, наше общение не покидало границ, предписанных уставом.

– Я хотел узнать, готов ли ты к отъезду, – он сухо кашлянул в трубку, будто смущаясь. – Фрэнк уже сидит на чемоданах, ожидая моей команды. Захватишь его по пути?

– Ладно, – произнес я, косясь на пустой дорожный саквояж, который я так и не собрал. – Я давно готов.

– Отлично, тогда я сообщу Фрэнку, чтобы он спускался и поджидал тебя. Он живет на северо-западе Блумингдейла, неподалеку от автобусной остановки, что прямо рядом с кладбищем.

– Чудесное местечко для жизни, – протянул я. —Это все?

– Не совсем… – я услыхал, как Майерс запнулся, после чего замялся и даже ненадолго умолк, прежде чем продолжить разговор. – Я не хотел говорить об этом в участке, чтобы никто не подслушал нас. Но, думаю, я все же должен предупредить тебя, Алекс. Предупредить кое о чем, что касается Фрэнка Миллера.

– О чем же?

Все, чего я сейчас жаждал больше всего – чтобы Эрл поскорее закончил этот разговор, и я мог использовать оставшиеся свободные минуты для того, чтобы впопыхах набить свой потрепанный чемодан вещами первой необходимости.

Я уже несколько раз мысленно обозвал себя никчемным болваном за то, что не завел будильник и не успел собраться в дальний путь вовремя, погрязнув в рабочих бумажках. Теперь мне придется мчаться во весь опор, чтобы не заставлять своего нового напарника мерзнуть на сыром ветру слишком долго.

Но даже не это раздражало меня так сильно, как это нелепое, странное происшествие с миссис Симонс, которое напрочь выбило меня из привычной колеи и никак не желало укладываться в моей голове.

Все это выглядело настолько запутанным, что мое сознание, казалось, готово было взорваться на части от мыслей, заполонивших его. Вдобавок к спешке и охватившему меня неприятному смятению, теперь еще и грозилась прибавиться новая досадная вещь – какая-то нелицеприятная информация о Миллере.

Я был на все сто уверен в том, что ничего хорошего об этом человеке Майерс мне сейчас не скажет. Иначе он не вел бы себя так нетипично и даже словно немного неуверенно.

Одним словом, поездка не задалась с самого начала.

Кроме всего прочего, Тапиока, до этой минуты мирно дремавшая на неубранной кровати, внезапно начала вести себя беспокойно. Глупая кошка, спрыгнув на пол, сперва подкралась к пустому чемодану, подозрительно обнюхав его, а затем принялась громко и протяжно мяукать.

– Заткнись, тупое животное, – шикнул я на нее, но Тапиока, смерив меня полубезумным взглядом, заорала еще громче прежнего.

– Что?

– Прости, Эрл, это я не тебе… – я снял с правой ноги домашний ботинок и швырнул его в кота, но промазал. – Так что ты там говорил о Фрэнке Миллере?

– Я хотел предупредить тебя кое о чем, Алекс… Хотя, признаться, даже не знаю, как можно объяснить по телефону такие вещи…

Я напрягся, понимая, что мои плохие предчувствия грозятся воплотиться в реальность в это самое мгновение. Сейчас начальник полиции расскажет мне об этом тощем пареньке нечто такое, отчего мое кошмарное настроение скатится в полнейший минус.

А ведь еще вчера я был уверен, что проведу выходные, с рвением и восторгом расследуя это запутанное дело в городишке, спрятанном за густыми еловыми ветками.

– Да просто скажи уже, – я начал терять терпение, а кошка вела себя все более странно, шипя на мой чемодан и злобно сверкая расширенными зрачками. – Да замолчи ты уже наконец, несносная тварь!.. Господи!

Я чертыхнулся в пустоту, вытянул вперед свободную ладонь, подхватил с кофейного столика толстый городской справочник, а затем со злостью швырнул его в сторону сумасшедшей кошки. Журнал приземлился в нескольких шагах от ее распушенного хвоста, опрокинулся на корешок, после чего раскрылся и зашуршал пожелтевшими страницами.

Встревоженная этим внезапным явлением, кошка наконец заткнулась, затем окатила меня осуждающим взглядом и, протяжно мяукнув, исчезла где-то в недрах спальной комнаты.

– Что у тебя там происходит, Рид? – прогудела трубка, прижатая к моему уху. – Ты все еще на линии?

– Да, я здесь, – ответил я, напрасно стараясь справиться одновременно с охватившей меня злостью и досадой. – Моя кошка как будто спятила, ведет себя как обезумевшая.

– У тебя есть кошка?

– Да, – я прикрыл глаза и громко выдохнул. – Подобрал ее лет пять назад на улице, когда возвращался домой из участка.

– Очень мило, – в голосе Майерса промелькнуло удивление. – Я не знал, что ты фанат животных… Так вот, вернемся к Миллеру…

Но в трубке внезапно зазвучала гробовая тишина. Я несколько минут стоял посреди коридора, глупо хлопая глазами и повторяя раз за разом «Алло!», но мне больше никто не ответил.

– Да что за твою мать, – в сердцах воскликнул я, поняв, что закончить разговор сегодня уже не удастся. – Словно проклятие…

Мои зрачки скосились в сторону и вниз, и я невольно оторопел. Крученный телефонный кабель, толстый и прочный, болтался на полу, оборванный и измусоленный, тараща в разные стороны тонкие металлические провода.

Неподалеку, прижавшись к дверному косяку, сидела Тапиока, пристально наблюдая за моим лицом. Из ее рта торчал кусок пластиковой черной обмотки – той, что должна была быть на проводе.

– Да что с тобой сегодня такое? – взревел я, стараясь схватить кошку за шиворот, но та, зашипев, неожиданно ловко извернулась и метнулась в сторону, вновь скрывшись в темной комнате.

Если бы я так отчаянно не опаздывал, то рванул бы за ней, вытащил из-под кровати, а затем отругал и за дурацкое поведение, и за испорченный телефонный аппарат. Однако я уже должен был сейчас находиться в своей машине, двигая по мокрому шоссе навстречу Фрэнку Миллеру.

Поэтому, громко ругаясь, я торопливо бегал туда-сюда по своей квартире, стараясь не забыть ничего важного. За несколько минут саквояж, бесстыдно разинув пустую черную пасть, был уже забит битком. Теперь в его недрах скрывалась стопка чистых рубашек, новый теплый свитер, зубная щетка и сменные кассеты для бритья, а поверх вещей, тускло поблескивая, темнел заряженный пистолет, высовывая рукоять из затертой кожаной кобуры.

Я уже порывался захлопнуть чемодан, когда сверху донесся какой-то шум. Я задрал голову к потолку и прислушался. Не могло быть и тени сомнений – это были шаги миссис Симонс. Я отчетливо разобрал шарканье ее теплых тапочек по полу, которое сопровождало меня все эти годы, на протяжении каждого вечера.

Мне стоило наконец схватить свои вещи и ринуться к выходу, но я продолжал стоять посреди комнаты как завороженный и тупо таращился вверх, на белый потолок. Будто какая-то невидимая сила сковала мое тело, пригвоздив к месту.

В какой-то момент шаркающие шаги этажом выше оборвались. Словно старушка неожиданно замерла посреди своей спальни, остановившись прямо надо мной.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. В квартире стало неестественно тихо – настолько, что я мог услышать, как вдалеке, где-то за закрытыми окнами, визжат приглушенные сирены полицейских машин.

Это немое оцепенение продолжалось бы и дальше, если бы в какой-то момент я не осознал, что напрасно теряю драгоценное время, замерев посреди спальни и пялясь в потолок. Чемодан нетерпеливо дожидался моего возвращения, продолжая грустно глядеть в мою сторону двумя металлическими пряжками.

Вернувшись к своим вещам, я рывком захлопнул кожаную крышку, с удивлением отметив, как нелегко мне это удалось. Я был уверен, что оставил достаточно расстояния для того, чтобы застежки сработали автоматически, едва коснувшись друг друга, но мне пришлось порядком надавить на крышку, чтобы это произошло.

Оглядевшись напоследок и погасив в квартире свет, я вышел в холл, приготовив запасную связку ключей для Стэна.

Должно быть, Фрэнк Миллер был уже вне себя – ведь я должен был давно забрать его по указанному адресу. А я только спешно шагал к дверям лифта, на ходу запахиваясь в теплое пальто.

***

Я смог немного успокоиться только тогда, когда сел за руль, завел мотор и тронулся с места. В приоткрытое боковое стекло с завыванием просочился ночной мерзлый ветер, и я с наслаждением вдохнул обжигающе-свежий воздух, понемногу отвлекаясь от той суматохи, что выбила меня из привычной колеи.

Наверняка Майерс сейчас все еще пытается дозвониться мне, набирая номер снова и снова, чтобы сообщить ту важную информацию, которую я так и не услышал. Но я не слишком переживал по этому поводу – в конце концов, если понадобится, я смогу расспросить об этом самого Миллера. Вряд ли он станет врать мне или откажется отвечать на вопросы, ведь от продуктивности нашего сотрудничества теперь зависела судьба жителей Блэк Вудс.

Кроме того, я всерьез сомневался, что Эрл мог поведать мне что-то действительно стоящее. Откуда у такого молодого детектива могли взяться мрачные или страшные тайны?

К автобусной остановке я подъезжал уже в практически нормальном расположении духа. Не смогло испортить мне настроение даже мрачное выражение лица Фрэнка, который, ссутулившись на отсыревших досках остановки, таращился куда-то в пустоту перед собой.

Казалось, он был настолько занят своими мыслями, что даже не заметил моего появления. Поэтому, безрезультатно выждав несколько мгновений, я все же решился обратить на себя внимание и надавил на клаксон.

Автомобильный гудок разрезал ночной мрак, царящий вокруг, добрался до оранжевых фонарей на обочине, за которыми чернел металлический кладбищенский частокол, а затем вырвал из оцепенения молодого детектива, заставив его вздрогнуть.

– Доброй ночи, Фрэнк, – я кивнул, распахивая переднюю дверцу. – Надеюсь, ты не слишком долго ждал, околачиваясь на этом холоде?

– Нет, – просипел он немного растерянно. – Я пришел пару минут назад.

Он юркнул внутрь авто, бросив на пустующее заднее сидение небольшую спортивную сумку с вещами, затем откинулся на спинку кресла и произнес:

– Я закурю?

– Как пожелаешь, – я равнодушно пожал плечами. – Если решил отправиться на тот свет раньше положенного – дело твое.

Миллер коротко хмыкнул, бросив на меня странный взгляд, чиркнул зажигалкой и сделал шумную затяжку.

Салон полицейской машины тут же заполнился дымом, и мне пришлось открыть окно пошире, чтобы густой табачный смог быстрее уходил наружу, просачиваясь в щелку и бесследно растворяясь в осеннем воздухе спящего города.

– Давай я поведу до рассвета, – предложил я, выруливая на боковое шоссе и прибавляя ход. – Потом ты сменишь меня.

– Ладно, – он бросил окурок в приоткрытое окно и зевнул. – Тогда, если не возражаешь, я лег бы поспать прямо сейчас.

Я молча кивнул, и в то же мгновение Миллер, приподнявшись над своим сидением, ловко проскользнул между кресел, растянувшись позади меня и закинув руки за голову. Уже спустя несколько минут его дыхание стало ровным и глубоким, и я невольно удивился тому, как Фрэнку удалось так легко и быстро заснуть в холодной машине, которую ощутимо трясло на каждой кочке загородной дороги.

Спустя несколько часов, когда низкие предрассветные тучи, окутавшие тяжелое графитовое небо, начали подергиваться желто-красной дымкой, я притормозил, свернув на обочину, и заглушил мотор. Миллер продолжал безмятежно дремать на заднем сидении, даже не шелохнувшись.

Придорожное кафе заманчиво сияло пунцовой вывеской «24 часа в сутки», и я не смог проехать мимо, потому что ужасно проголодался.

Усевшись в пустом зале крошечного ресторанчика и протянув заспанной официантке несколько смятых купюр, я смотрел сквозь подернутые влагой стекла закусочной и размышлял о чем попало, только не о предстоящем деле.

По унылой темно-серой дороге, оставшейся впереди, за все это время пронеслось лишь несколько десятков машин – груженых до отказа грузовиков и один видавший виды пикап, тащивший что-то в своем кузове, накрытом брезентом.

Деревья у дороги, приземистые и корявые, с надеждой протягивали свои обнаженные сучья, как бездомные, просящие милостыню. И когда мимо с ревом проносился очередной фургон, они, будто отверженные невесты, бросали вслед последние темно-желтые листья, силясь обратить на себя чужое внимание.

Я бы продолжил бездумно рассматривать серый ноябрьский пейзаж за окном в ожидании своего заказа, но какое-то движение внутри полицейской машины заставило меня перевести зрачки в другом направлении.

Миллер, усевшись на заднем сидении, сонно потер глаза, а затем замер, обернувшись и глядя через заднее стекло на закрытый капот.

После этого он дернул ручку дверцы на себя, распахнул ее и вышел из авто. Стоя под пронизывающе-холодным ветром, детектив поежился, приподнял воротник, затем уверенно шагнул к багажнику и попытался его распахнуть. Но, разумеется, у него ничего не вышло. Ключ болтался у меня в кармане.

– Что случилось? – я выбежал из закусочной и остановился рядом с Миллером. – Зачем тебе вдруг понадобился багажник?

– Я что-то слышал, – хрипло пробасил он, и я невольно удивился тому, каким неестественно низким голосом обладал этот щуплый человек. – В твоем багажнике что-то скребется.

– Скребется? – я перевел удивленный взгляд на металлическую крышку, с которой стекали прозрачные капли, оседавшие из утреннего тумана. – Ты уверен, что тебе это не приснилось?

– Уверен, – глухо произнес Миллер, немного отступая в сторону, словно давая мне возможность убедиться в его правоте самому, распахнув багажник.

Я вставил маленький металлический ключ в узкую скважину, сделал оборот и приподнял капот. Но внутри было пусто, если не брать в расчет мой потрепанный дорожный чемодан и покрытую пылью, изрядно сдувшуюся запаску, которую давно стоило выбросить.

– Вот видишь, ничего… – начал я, но тут же осекся.

Крышка чемодана внезапно выгнулась наружу, как будто что-то силилось вырваться из него, упираясь в толстый слой кожи изнутри.

Я непроизвольно отшатнулся, изумленно таращась на машину, а затем перевел взгляд на лицо Фрэнка. Его, казалось, это ничуть не пугало и даже не удивляло – он оставался совершенно спокойным.

– Что за чертовщина, – пробормотал я едва слышно. – Просто напасть какая-то…

Но прежде, чем я успел сообразить, что мне делать дальше, Миллер уже шагнул вперед, согнулся над открытым багажником, а через мгновение до моего слуха донесся знакомый щелчок металлических пряжек.

Чемодан распахнулся, но я все еще не мог увидеть того, что в нем находилось – худощавая спина молодого детектива загораживала весь обзор.

– Зачем ты взял с собой кота? – произнес он внезапно, обернувшись через плечо и бросив на меня изучающий взгляд.

– Что?.. – я отодвинул Миллера в сторону, подался вперед, заглянув в темную пустоту и едва не лишился дара речи. – Тапиока!

Кошка затравленно глядела на меня снизу вверх, съежившись на аккуратной стопке выглаженных вещей.

– Тупое, несносное животное! – я подхватил ее под живот и вытащил из чемодана. – Должно быть, она незаметно забралась в мои вещи… И что теперь с ней делать?

Я растерянно посмотрел в холодные серые глаза Фрэнка. Он почти незаметно пожал плечами, смерив кошку равнодушным взглядом. Конечно, разворачивать машину и везти животное назад в Вашингтон было бы несказанной глупостью – в Блэк Вудс с нетерпением дожидались нашего прибытия. Поэтому выбора у меня не оставалось.

– Что ж, – вздохнул я, распахивая заднюю дверцу авто и отправляя Тапиоку туда, где еще минут пять назад мирно дремал Миллер. – Придется тащить ее с собой.

– А она не наделает в машине? – Фрэнк с опаской покосился на заднее сидение.

– Откуда мне знать, – проворчал я, с досадой захлопывая дверцу и возвращаясь на водительское место. – Попроси ее потерпеть до Блэк Вудс.

Все мои мечты о сытном раннем завтраке испарились, разлетевшись по округе вместе с пожухлыми листьями. Теперь в мою глотку не влезла бы даже чашка кофе, не говоря уж о двойной яичнице, салате и бургере, которые я заказал в

придорожной забегаловке.

Поэтому я не стал возвращаться в кафе, а молча завел мотор и в который раз словил себя на колкой мысли о том, что все в этот раз идет как-то неправильно.

Глава 4. Ник Лаффер

Этой ночью я спал просто отвратительно. До самого рассвета меня изводили кошмары, так что я не раз распахивал глаза в холодном поту, чувствуя, как бешено бьется о ребра уставшее сердце.

Когда первые линялые лучи холодного солнца добрались до моей постели, меня в ней уже не было. Измотанный ужасной бессонной ночью, я решил начать свой день раньше обычного, не став дожидаться привычного треска металлического будильника. Вот почему, когда над Блэк Вудс едва лишь забрезжил рассвет, я уже был собран и готов выезжать в участок.

Местный кафетерий на Редроуд, к моему величайшему удивлению, оказался открытым в столь ранний утренний час, и поэтому я без лишних раздумий припарковал полицейское авто у приземистого здания с желто-красным фасадом. Чашка бодрящего кофе и хрустящая булочка с аппетитной яичной корочкой могли бы сделать этот день немного приятнее.

Но когда я решительно распахнул двери кафетерия и зашел внутрь, то обнаружил, что в зале было совершенно пусто.

Порыскав несколько минут вокруг, я понял, что на парковке все места свободны. Это было непривычно, ведь Мэгги всегда приезжала на работу на своем потрепанном темно-оранжевом пикапе.

Быстро оглядев ресторанчик и на всякий случай заглянув за прилавок, я убедился в том, что кассовый аппарат все еще хранил в себе выручку со вчерашнего дня. И эта деталь тоже вызывала недоумение, ведь я помнил, что официантка всегда забирала деньги с собой по окончании рабочей смены.

На дне большого кофейника плескались холодные остатки темно-коричневого напитка, некогда источающего аромат. Все в зале указывало на то, что кафетерий не закрывался с минувшего вечера. Это было странно и необычно, ведь заведение работало только до одиннадцати вечера.

– Мэгги? – я снова огляделся по сторонам, и только в этот раз заприметил одиноко висящую на вешалке зимнюю куртку. – Ты здесь?

Но гробовая тишина, царившая в кафе, осталась нетронутой. С нарастающим ощущением внутренней тревоги я рванул к женской куртке, сиротливо свесившей длинные рукава, сдернул ее с крючка и бегло осмотрел.

Это определенно была куртка Мэгги. Только почему-то ни самой юной официантки, ни ее машины нигде не было. Ко всему прочему, я никак не мог взять в толк, как девушка могла оставить ресторанчик открытым, не погасив свет в зале и даже не заперев на ночь двери.

– Мэгги? – я вернул забытую куртку на ее законное место, после чего шагнул к створке, ведущей в подсобку. – Мэгги, где ты?

Крошечное квадратное помещение, скрывавшееся за деревянной дверью, тоже было пустым. Если не брать во внимание несколько картонных коробок, сваленных в углу небрежной стопкой. На низком холодильнике, сердито урчащем посреди подсобки, стоял поднос с надкушенным круассаном и холодной чашкой чая. Должно быть, девушка перекусывала здесь, но была вынуждена спешно оставить свою трапезу, даже не погасив свет.

Что вынудило всегда ответственную и организованную официантку бросить и свои вещи, и закусочную, легкомысленно испарившись? На ум приходило только одно: возможно, Мэгги позвонили из дома, сообщив какое-то известие, потребовавшее ее немедленного присутствия. Поэтому девушка, недолго думая, бросила ресторан незапертым, села в свой пикап и рванула прочь. Иного разумного сценария для этого странного происшествия я не находил.

Щелкнув переключателем, я погрузил искрящийся желтыми лампочками обеденный зал в предрассветную темноту. А затем вышел из кафе, вытащил из багажника своей машины моток пестрой заградительной ленты, на всякий случай опечатав вход в заведение. Теперь вряд ли кто-то из местных рискнет

соваться внутрь или, тем более, растаскивать чужое добро.

Спустя десять минут я уже топтался у телефонного аппарата в участке, представляющем из себя скромное однокомнатное строение с единственным окном, под которым располагался мой рабочий стол.

– Да?.. – сонный женский голос на другом конце трубки показался мне спокойным.

– Миссис Джеймс, вас беспокоит шериф Лаффер, – я присел на краешек стола и выпрямил спину. – Извините за столь ранний звонок, но я хотел бы убедиться, что с вашей дочерью Мэган все в порядке. Она дома?

– Что? – женщина ненадолго замялась и умолкла, после чего продолжила разговор уже совершенно другим голосом. – Нет, Мэгги не приезжала сегодня домой… Я… я решила, что она снова решила заночевать у подруги… Шериф, что-то случилось?

– Я проезжал мимо закусочной, и заметил, что свет в зале был включен. К тому же, Мэгги не заперла дверь. Внутри я нашел ее куртку, но не обнаружил ни ее саму, ни ее пикап. Кажется, она куда-то уехала. Она не звонила вам вчера вечером?

– Нет, – сдавленно выдохнула в трубку миссис Джеймс. – Она… Мэгги ничего не говорила мне… О боже, шериф! Неужели с ней что-то случилось?

Нотки зарождающейся истерики на том конце провода окатили меня колкими иглами, забрались под полицейскую куртку, а затем разбежались по позвоночнику.

– Не нужно паниковать раньше времени, – я постарался придать своему голосу как можно больше уверенности, но вышло заметно фальшиво. – Я думаю, Мэгги просто сорвалась куда-то, забыв обо всем на свете. Ей ведь всего девятнадцать, миссис Джеймс. Вспомните себя в этом возрасте.

– Но это совсем на нее не похоже, – возразила женщина. – Она бы никогда не оставила кафе вот так, без присмотра…

– Это подростки, миссис Джеймс, иногда здравый рассудок может ненадолго отключаться. На улице ведь выходные. К тому же, я не заметил ничего подозрительного в обеденном зале, никаких улик или свидетельств того, что там произошло что-то плохое. Поэтому… – я тихо выдохнул и прикрыл глаза. – Поэтому я предлагаю вам успокоиться. А я тем временем поищу Мэгги и сурово отчитаю ее за то, что она поступила так безответственно.

– Хорошо, – в интонации миссис Джеймс проскользнула нотка облегчения. – Я думаю, вы правы, шериф… Наверное, она снова отправилась на какую-нибудь вечеринку. Я… я с нетерпением буду ждать вашего звонка.

Я быстро попрощался и положил трубку на рычаг. Кажется, мне удалось убедить мать Мэган в том, что с ее дочерью этой ночью не случилось ничего ужасного. Но сам я в это почему-то упорно не верил.

Разве могла девушка, даже отчаянно спешащая на подростковую пятничную попойку, бросить кафетерий, не закрыв двери на ключ? И почему Мэгги не надела свою куртку, ведь на улицах Блэк Вудс уже давно царил пронизывающий холод?

Я покинул участок, на всякий случай вывесив на входной двери записку о том, что вернусь после полудня. А затем вернулся к машине, припаркованной в двух шагах и еще не успевшей остыть. Сел за руль, сделал глубокий вдох и постарался избавиться от мелкой назойливой дрожи, терзающей меня уже несколько минут.

***

– Когда ты в последний раз видела Мэгги? – произнес я, по привычке извлекая из кармана тощий записной блокнот. – Вы разговаривали с ней вчера?

Я стоял на крыльце аккуратного одноэтажного дома, только недавно выкрашенного в новый слой бледно-сиреневой краски. За толстой деревянной дверью, изрезанной витиеватыми узорами, топталась заспанная старшеклассница – лучшая подруга Мэган Джеймс.

– Да, конечно, – девушка потерла бледный лоб и задумалась. – Я заезжала вчера к ней в кафе, кажется, около шести вечера…

– Она не говорила тебе о том, куда собирается ехать после работы? У Мэгги были какие-то планы на вечер?

– Нет, – школьница растерянно посмотрела в мои глаза. – Все было, как и всегда. Мэгги сказала, что закончит смену и заедет ко мне. Она должна была заночевать у меня, но так и не явилась. Я решила, что она поехала домой, но не стала звонить – было уже поздно… Она что, попала в беду?

– Понятно, – я захлопнул блокнот и окинул старшеклассницу ободряющим взглядом. – Нет, я так не думаю.

– Но тогда где же она, и почему вы ее ищите?

Девушка смерила меня блестящими зрачками, явно не собираясь заканчивать свои расспросы. Но сейчас мне нечего было ответить ей. К тому же, я не хотел, чтобы по Блэк Вудс прокатилась новая волна смятения.

Если жители решат, что Мэган Джеймс бесследно исчезла, город захлестнет паника. Этого нельзя было допустить – испуганные люди бывают опаснее диких животных. Кто знает, что им придет в голову?

– Я свяжусь с тобой, когда выясню это, – быстро проговорил я, спускаясь вниз по ровным каменным ступенькам. – А пока оставайся дома, мне может понадобиться твоя помощь.

– Но… – старшеклассница постаралась что-то возразить, однако я успел громко хлопнуть дверцей и теперь спешно отъезжал от опрятного крыльца, взбираясь шинами по узкой дорожке.

Объезд пустынных аллей не дал никаких результатов – я не заметил пикапа Мэгги ни на центральной улице, ни на прилегающих боковых однополосных шоссе. Девушка словно испарилась вместе со своим авто.

Свернув к дому Кристин Блэк, который теперь пустовал, я аккуратно подобрался к кромке леса, притормозил и выбрался из машины.

Безмолвие этих опустошенных земель действовало на нервы, заставляя испытывать странный внутренний трепет. Холодный мокрый лес, густой и насыщенно-зеленый, казалось, насмехался над серым, линялым пейзажем внизу. Смеялся над щербатыми асфальтовыми дорогами – такими же грязно-свинцовыми, как ноябрьское небо над моей головой.

Этот контраст живого, могучего леса и полудохлых окрестностей у его подножья навевал осеннюю тоску и порождал желание скрыться, убраться отсюда как можно скорее, завернуться в толстое теплое одеяло, плотно сдвинув тяжелые шторы на окнах и притвориться, будто вокруг витает скучный домашний уют.

Я стоял неподалеку от первой линии деревьев, раскинувшихся во все стороны, куда только хватало глаз, ощущая, как сырой ветер треплет мои волосы, и думал о том, что все вокруг выглядит так, будто чертова чаща питается соками прилегающей территории. Выпивает жизнь из промерзшего грунта, высасывает краски из мрачного неба, пробираясь все дальше и дальше. Заглядывая в убогие дома населяющих этот город людей. Стремясь захватить все, что только возможно.

Осознав, что я начинаю замерзать, я вернулся к полицейскому авто, захлопнул за собой дверцу и включил печь. Окоченевшие от стылого ветра пальцы радостно заныли. Я обхватил ими холодный руль, надавил на педаль газа и сдал назад.

Я медленно двигал вдоль зеленой полосы, местами проваливаясь шинами в неглубокие рытвины. Дорога давно осталась где-то внизу, и ехать приходилось прямо по коричневато-серой земле.

С напряженным молчанием я вглядывался в хитросплетение вечномолодых ветвей, стараясь разглядеть за их плотной стеной хотя бы что-нибудь. Но, как назло, лес плотно сомкнул свои объятия, и все, что мне удавалось рассмотреть в его недрах – это лишь кромешную черноту.

Съехав немного вниз и сбавив скорость, я следовал по безрадостной опушке все дальше и дальше, не приближаясь и не удаляясь от исполинских деревьев. Наверное, я бы в конце концов описал круг, вернувшись к полудню к тому месту, откуда я начал – к темнеющей мокрой крышей хижине Кристин. Однако неожиданно мое внимание приковала новая деталь в этом унылом пейзаже.

Слишком неуместно яркая для такого непогожего ноябрьского дня.

Прямо впереди, опустив передние колеса в узкую траншею, стоял пикап Мэган Джеймс. Фактически подобравшись вплотную к деревьям, возвышающимся высоко наверху, он, жалобно накренившись, таращился на меня прозрачными стеклами.

Я быстро притормозил и выскочил из авто, ринулся к пикапу и распахнул переднюю дверцу. Машина была пуста. Брошенная, как ненужная вещь, она беспомощно болтала в мерзлом воздухе задними колесами. В багажнике тоже оказалось пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vind_kristian/nechto-iz-blek-vuds

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити